

Валерий ШАРАПОВ

ОХОТА
на охотника

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Охота на охотника / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Контрразведка. Романы о секретной войне СССР).

ISBN 978-5-04-225918-0

Апрель 1980 года. В один из дней неожиданно для всех пропадает майор КГБ Вадим Шаламов. В выходной Шаламовы собирались на дачу, после этого их никто не видел. В понедельник ни майор, ни его жена не появились на работе, четырехлетняя дочь не пришла в детский сад. Соседи и знакомые ничего пояснить не могут. Незадолго до этого оперативник участвовал в операции по разоблачению шпиона в сфере радиотехнической разведки. Возможно, это как-то связано с его исчезновением... Шаламов объявлен во всесоюзный розыск. Поисками занимается майор Алексей Костров. Ему кажется, что он напал на след пропавшего коллеги. Но череда последовавших за этим событий заставляет Кострова изменить направление поиска...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2024
ISBN 978-5-04-225918-0 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

11 апреля 1980 года, пятница

В книжный магазин на улице Калинина вошли двое. Первый был замечен — крупный, породистый, с жесткими кудрявыми волосами. Он был со вкусом одет. На шее у него был клетчатый шарф — весеннее тепло обманчиво, склонные к простуде люди предпочитали утепляться. Второй был невзрачен, какой-то серый, незаметный, с редкими волосами. Товарищ придержал дверь, пропуская внутрь своего видного спутника, обернулся, прежде чем войти, посмотрел по сторонам. Улица Калинина (когда-то Воздвиженка) являлась частью нового Калининского проспекта, но в этих кварталах сохранила свой первообразный облик. Вдоль дороги выстроились опрятные трехэтажные здания дореволюционной постройки. Машин было мало, прохожие никуда не спешили. Все дышало какой-то старинной патриархальностью. Впрочем, призывы со стен крепить единство всех миролюбивых сил и не позволить сеять вражду

между народами возвращали в новейшее время. Убедившись, что на улице все спокойно, «серый» товарищ вошел в здание и прикрыл дверь.

Подобных магазинов в городе насчитывалось сотни. А в «самой читающей стране» — десятки тысяч. Сонная тишина, клюющие носом продавцы, специфические запахи бумаги и типографской краски. «Книга — источник знаний» — встречал посетителей нестареющий слоган. Покупателей в этот час было мало. Книги, пользующиеся спросом, продавали из-под полы, на барахолках или в обмен на двадцать килограммов макулатуры. Часть изданий распределялась по подпискам. Произведения сомнительного содержания распечатывали на машинках, размножали, распространяли среди своих — и все запретное, как и должно, пользовалось спросом. В свободной продаже ничего ликвидного не было. Специализированная литература, мемуары видных деятелей, скучные, насквозь идеологизированные опусы членов Союза писателей. В отделах детской и художественной литературы присутствовало несколько человек. Женщина в очках и платочке перелистывала атлас с красотою Ленинграда. В отделе научной литературы не было ни души.

Туда и вошли двое. Товарищ с шарфом что-то спросил. Второй лаконично ответил, украдкой глянул на часы. Первый кивнул, отвернулся к стеллажам, взял с полки справочник по квантовой механике.

ОХОТА НА ОХОТНИКА

Спутник бросил пару слов ему в спину, покинул секцию и направился к выходу. Работница магазина удивленно посмотрела вслед: что, уже? Оторвалась от созерцания Медного всадника дама в очках, тоже проводила посетителя взглядом. Он вышел на крыльцо, закурил. Втягивал дым с какой-то нервной спешкой, его глаза воровато блуждали. Усиливалось чувство дискомфорта. Рядом с крыльцом стояла застекленная будка таксофона. Вернее, частично застекленная — кто-то хорошо похулиганил. В будке находился мужчина с тонкой щеточкой усов. Он говорил негромко, по-русски, но в речи чувствовался акцент. Мужчина улыбался, но это была маска — глаза настороженно оглядывали мир за пределами таксофона. Курильщик, поколебавшись, спустился с крыльца, двинулся к телефону. Человек с трубкой у уха выразительно на него посмотрел. Субъект остановился. Он не понимал, что нужно делать. Откуда-то возник молодой человек в кепке и болоньевой куртке, стал шататься вокруг будки, нетерпеливо постукивая по колленке скрученной газеткой. Господин в будке понял намек — завершил беседу и вышел на улицу. Молодой человек презрительно фыркнул, занял освободившееся пространство. Понаехали тут, подрывают самый передовой в мире социалистический строй...

Щеголеватый господин направился к крыльцу магазина, покосившись на невзрачного товарища, застывшего столбом. Тот пробормотал:

— Все в порядке, он там... — И, не оглядываясь, облегченно переводя дыхание, устремился к тротуару.

Персонаж с усиками вошел в магазин. У молодого человека в таксофоне в руке возникла реакция, он произнес в нее несколько слов, при этом не спускал глаз с удаляющегося субъекта. Вышел из будки, отправился за ним, продолжая постукивать газеткой по ноге. Прохожих на тротуаре было немного. Навстречу шла девушка с забавной дворняжкой на поводке. Собачка семенила рядом с хозяйкой, свесив язык. Тявкнула на объект слежки, когда тот поравнялся. Мужчина испуганно отшатнулся, скрипнув зубами. Девушка рассыпалась в извинениях, зачитала наставление своей питомице. На молодого человека с газеткой собака не тявкала. Тот понятиливо усмехнулся, подмигнул девушке. Гражданка того заслуживала, хотя могла бы быть постарше. Но подобные недостатки, как правило, преходящи... В попутном направлении проследовал троллейбус, начал замедлять перед остановкой движение. Начало дня, давки еще не было — в салоне имелись свободные сидячие места. От остановочного павильона отделилась фигура в черном плаще с поясом, мужчина двинулся навстречу по тротуару. Конспирация уже не имела значения, он уставился колючим взглядом в объект охоты. «Серый» тип все понял, встал как вкопанный, руки у него повисли.

ОХОТА НА ОХОТНИКА

Он обернулся, облизнул посиневшие губы, встретившись взглядом с молодым человеком в шерстяной кепке. Участники слезки не походили друг на друга, но взгляды у них были одинаковые.

— Сурин Николай Витальевич? — вкрадчиво осведомился молодой человек.

Газетка втиснулась в боковой карман, в руке появились красные служебные корочки с золотым тиснением.

— Комитет государственной безопасности, старший лейтенант Зорин. Вы задержаны, просьба сохранять спокойствие и следовать за нами.

— Подождите... — Мужчина не собирался сохранять спокойствие. — Почему? На каком основании? Я сотрудник первого отдела важного государственного предприятия, и вы не можете вот так просто...

— Николай Витальевич, прекращайте, — поморщился молодой человек, подходя ближе. — Вы все прекрасно понимаете. Давайте без театральщины и скоморошьих плясок. Следуйте к машине. Вам нужно особое приглашение?

К тротуару подъехали практически новые «Жигули» третьей модели. Вышел еще один сотрудник, приглашающе открыл заднюю дверь. Без шума и плясок, к сожалению, не обошлось. Сурин вырвался, когда его взяли под руку, сделал скачок! Человек в плаще знал свое дело, крепко держал за локоть — и клочок ткани остался в его руке! Какие только возможности не придает

отчаяние... Выражение «пятки засверкали» обрело буквальное значение. Чертыхнувшись, сотрудники Комитета припустили за беглецом. Бывают же такие живчики, а на вид не скажешь...

Троллейбус еще стоял на остановке. Кто-то сел, кто-то остался. Сурин подлетел к открытым дверям. На что надеялся? Убегать от КГБ на троллейбусе — это что-то новенькое. Люди на остановке увлеченно наблюдали за развитием событий. Сурин с разгона запрыгнул в троллейбус, но споткнулся о нижнюю ступень, повалился, растопырив конечности. В этот момент водитель решил закрыть двери. Створки зажали застрявшего на ступенях беднягу. Ноги застучали по бордюру. Закричали пассажиры и граждане на остановке. Сотрудник в плаще схватил предполагаемого преступника за полу куртки — теперь уж точно не вырвется. Водитель туго соображал, начал движение. Крики усилились, кто-то использовал нецензурную лексику. Это могло закончиться очень плохо. Ноги преступника, казалось, жили отдельной жизнью, неприкаянно болтались. Подобные ситуации инструкциями не предусматривались. Сотрудники растерялись, мужчина в кепке произвольно дернулся к стоящим у края тротуара «Жигулям». «Шары протри, дебил!» — орали пассажиры. Водитель наконец сообразил, что дело плохо, резко остановился. Сработали гидроцилиндры, лязгнули двери. Сурин был в шоке, неважно соображал. Его схватили

ОХОТА НА ОХОТНИКА

за шиворот, оттащили от троллейбуса. Задержанный машинально сопротивлялся, его лицо побелело. В эту минуту он казался не совсем вменяемым.

— Гражданин Сурин, вы задержаны, — повторил старший лейтенант Зорин. — Вы понимаете, что происходит?

Он всеми силами старался не засмеяться, судорожно сглатывал. У коллеги чувство юмора отсутствовало. Зачем оно на такой работе? С невозмутимой миной он скрутил преступнику конечность — тот взвизгнул и уже при всем желании не мог вырваться.

— Отпустите... — прохрипел он. — Я ни в чем не виноват, это произвол, я буду жаловаться...

— Бедняга, — посочувствовала молодая гражданка на остановке. — Вдвойне не повезло, не его сегодня день.

— Может, у него, того... справка? — предположил спутник гражданки, молодой парень с мозолистыми трудовыми руками. — Психованный он какой-то. Люся, помнишь, я такой же был, когда полквартила бежали к автобусу, он вроде ждал, а только добежали — он двери закрыл и поехал, сука... Эй, ты чего дерешься? — Он вздрогнул, получив от подружки кулаком в бок.

— Все в порядке, граждане, — уверил собравшихся старший лейтенант Зорин. — Органы проводят операцию по задержанию членов преступной группы. Просьба не волноваться и проявить понимание.

— Так мы понимаем, — востепенулся представитель трудовой молодежи. — Даже одобря... — И снова заткнулся, получив удар кулачком.

Задержанного повели к машине. «Дерганый он какой-то, — размышлял про себя старший лейтенант Зорин. — А еще сотрудник первого отдела, стойкий и неподкупный».

В магазине тоже происходили события — увы, не столь комичные. Преступную группу брали с поличным. Хорошо одетый мужчина со щеточкой усов под носом вошел в отдел научной литературы. Там ничего не изменилось, присутствовал «фактурный» товарищ в замшевой куртке. Знакомиться с квантовой механикой ему наскучило, он снял с полки справочник по радиоэлектронике, листал страницы. Насторожилась дама в очках в соседнем отделе. Она избавилась от громоздкого атласа, открыла иллюстрированную брошюру и наслаждалась анатомическими подробностями Аполлона, изваянного придворным скульптором Александра Македонского и выставленного в Октагональном дворе музея Пио-Клементино в Ватикане. Господин с усами поздоровался с посетителем отдела. Тот кивнул, смерил человека настороженным взглядом. Первый, продолжая говорить, извлек из кармана конверт и передал в руки визави. Тот сунул конверт во внутренний карман расстегнутой куртки.

Началась работа. Книжный магазин наполнился шумом, в нем задвигались люди. Дама в очках вышла

ОХОТА НА ОХОТНИКА

из отдела, посвященного искусству, заспешила к месту событий. В отдел научной литературы вошли еще несколько человек.

— Шпаковский Арсений Иннокентьевич? — сухо осведомился подтянутый мужчина со светло-русыми волосами. — Майор Шаламов, Восьмое главное управление КГБ. Вы задержаны, гражданин Шпаковский. Прошу достать то, что вы сейчас убрали в карман. И давайте без резких движений, таковые вам уже не помогут.

— Позвольте, в чем дело? Я не понимаю... — Шпаковский побледнел. — Это какое-то недоразумение...

— Увы, нет, — сухо отозвался майор Шаламов. — И вы прекрасно об этом знаете, Арсений Иннокентьевич. Не заставляйте повторять.

Второй присутствующий практически не изменился в лице. У него была отменная выдержка. Только усики задрожали и глазки воровато забежали. Он отступил — эдак вкрадчиво, перевалившись с носка на пятку, словно он тут вообще ни при чем.

— Господин Уоррен Хопсон? — заступил дорогу мужчина со скуластым лицом и светло-серыми глазами. — Не спешите, вам тоже придется пройти с нами. Майор Костров, Второе главное управление КГБ СССР. Предлагаю обойтись без негодования и традиционных антисоветских выкриков. Вы же разумный человек, все понимаете. Не первый год, как говорится, в профессии.

На ухоженном лице американского дипломата напряглись мускулы. Переживать ему, в сущности, было незачем. Тяжких преступлений на территории СССР не совершал, никого не убил. Снимут показания (если будет что снимать) и препроводят в родное посольство. Депортация последует непременно — неприятно, но случается. Запираться и оказывать сопротивление Хопсон не стал, предпочел хранить молчание. Сотрудники, одетые в безликие плащи, вывели иностранца из отдела. Костров перехватил выразительный взгляд «училки» в очках — впрочем, уже без очков. Капитану Рогачевой снова не удалось проявить служебное рвение. Проводилась совместная операция Второго и Восьмого главных управлений. Группой от «восьмерки» руководил Вадим Шаламов, контрразведчиками — майор Алексей Костров. Могли бы и не лезть в самую гущу оперативных мероприятий, не барское это дело. Но кто запретит, когда обезвреживается целая банда опасных преступников!

— Поторопитесь, Арсений Иннокентьевич, — настаивал Шаламов. — Что вы как неживой? Не заставляйте обшаривать ваши карманы.

Шпаковский запустил трясущуюся руку во внутренний карман куртки, извлек конверт.

— Я не знаю, что это такое, — сообщил он внезапно охрипшим голосом. — Товарищ, которого только что увели, настоял на том, чтобы я это взял, что это якобы для моей жены и она в курсе...

ОХОТА НА ОХОТНИКА

«Лошадь в овраге его товарищи доедают», — подумал Костров. Шаламов аккуратно взял конверт, приоткрыл, присвистнул — изменила чекистская выдержка. Вытянула шею любопытная Рогачева. В конверте лежали новенькие сторублевые купюры с видами Кремля на аверсе и Владимиром Ильичом Лениным на реверсе (или наоборот). Купюр было много, штук сорок или даже больше. Для обычного советского человека — несметные богатства. Два года надо убиваться на заводе, чтобы заработать такие деньги.

— Ох, мне б так жить... — восхищенно прошептала Рогачева.

Пришлось оттеснить ее подальше, чтобы не позорила ведомство.

— Что это, Арсений Иннокентьевич? — вкрадчиво спросил Шаламов. — Ваша зарплата за март? Не многовато?

— Это не мое, не понимаю... — с усилием выдавил Шпаковский. С человеком что-то происходило. Мужчина был немолодой, к тому же сильно переживал. Сведенные скулы покрылись серым налетом. Помутнели глаза. Он внезапно взялся за грудь, глубоко вдохнул. Появилась одышка — он не мог продохнуть. Глаза забегали, в них отразилось чувство безысходности.

— Не надо симулировать, гражданин Шпаковский, такие шуточки не проходят, — строго, но как-то неуверенно сказал Шаламов.

Шпаковский покачнулся, закатились глаза. Дыхание застопорилось, он стал нелепо жестикулировать. Подкосились ноги, грузное туловище завалилось на книжный шкаф, начало сползать на пол. Задрожало содержимое полки, выпал справочник по горному делу. Сотрудник в бежевом плаще схватил подозреваемого за локоть, но уже не мог предотвратить падение. Шпаковский лежал на полу, конвульсивно вздрагивал, его мутнеющие глаза блуждали. Ахнула капитан Рогачева, упала на колени.

— Это не симуляция... — выдохнула она. — Сердечный приступ... Что же вы так, товарищи майоры...

— В скорую звоните! — ахнул Шаламов. — И чтобы были тут через две минуты!

Он тоже побледнел. Вот так новости. Этого шпиона с псевдонимом Сапфир выслеживали не одну неделю. Он должен жить, давать показания, каяться в смертных грехах! Забегали люди, кто-то кинулся в кабинет директора, чтобы позвонить. Татьяна Рогачева имела представление об оказании неотложной помощи. Пострадавшего выволокли на открытое пространство, положили на спину. Он уже не шевелился, зрачки застыли, с губ стекали остатки пены. Рогачева делала искусственное дыхание рот в рот через носовой платок, рычала на присутствующих, забыв о субординации: «Что встали как истуканы? Массируйте грудь, двадцать нажатий, пауза, снова двадцать нажатий!» В паузах она

ОХОТА НА ОХОТНИКА

наполняла кислородом верхние дыхательные пути Шпаковского. Шаламов взмок, массируя грудь, тяжело дышала Рогачева. Пострадавший не подавал признаков жизни. Уныло наблюдал за происходящим майор Костров. Похоже, завербованному агенту все же удалось смыться. Своеобразно, но удалось. Остальные удалились из секции от греха подальше, отгоняли любопытных покупателей и обеспокоенный персонал магазина. Скорая помощь прибыла через три минуты. Медики были в курсе, кто их вызвал, время не тянули. Доктор в очках осмотрел наметанным глазом тело, со скептическим видом поцокал языком. Реанимационные мероприятия проводили несколько минут — дальше не было смысла. Гражданин Шпаковский скончался, сердце не выдержало нервного напряжения.

— Нам жаль, товарищи, но в данной ситуации нельзя ничего сделать, — удрученно резюмировал медик. — Он скончался еще до нашего приезда. Вы, кстати, уверены, что ему были показаны подобные напряжения? Вы же ознакомились с его медицинской картой?

Шаламов досадливо отмахнулся — будут тут всякие умничать. У Шпаковского имелись проблемы с сердцем, несколько лет назад перенес операцию в ВКНЦ, но все закончилось благополучно, регулярно принимал препараты от аритмии — этmozин и этацинzин. Несколько раз проходил обследования

в том же кардиоцентре — крупных проблем не выявляли. Медики ретировались — их помощи ждали живые люди. Машина из морга пришла без задержки. Оперативникам УГРО и медэкспертам делать здесь было нечего. Да и не стал бы никто возражать, заберите Комитет это дело...

Магазин закрылся по техническим причинам. Расстроенный Шаламов блуждал по узкому пространству между стеллажами, поглядывал на умные книжки, ворчал: «Кто вообще все это читает?» Операция прошла не по плану. Не сказать, что все было плохо, но могло быть гораздо лучше!

— Что, Вадим, триумф отменяется? — невесело заметил Костров.

Шаламов недовольно поморщился:

— Триумф пройдет сдержанно и в рабочем порядке. — Он с усилием усмехнулся. — Неожиданно, да, Алексей? Человек умер, а вина его, кстати, формально не доказана. Нет, мы все понимаем: Шпаковский — шпион, продавал секреты Родины. Доказательная база собрана значительная... за исключением некоторых нюансов. Я сам на это дело месяц потратил и могу сказать уверенно: Шпаковский именно тот, кого мы искали. Да и Сурин запирается не будет, все расскажет как миленький. Хопсон... — Вадим скривился, словно съел недозрелый апельсин. — С Хопсоном сами разбирайтесь, он по вашей части. Лично я на его месте избрал бы тактику молчания. Или нес бы

ОХОТА НА ОХОТНИКА

ахиною с подчеркнутым почтением к советским органам. Что бы ты ему ни предъявил — чушь собачья, он лицо неприкосновенное. Вышлем его к той-то маме — и то ладно. Проблема в том, что официально объявить Шпаковского преступником может только суд... Представляю, какой хай поднимется в западной печати: довели до смерти блестящего ученого, чья вина под большим вопросом...

— По сути так и есть, — заметил Алексей. — Не находишь, что эскулап из скорой в чем-то прав: могли бы не устраивать такую встряску человеку с нездоровым сердцем.

— А как? — резко повернулся Шаламов. — Пригласить в ресторан, плавно подготовить, всячески извиняться, что вынуждены так поступать... Его никто не заставлял сотрудничать с иностранцами — сам из корыстных побуждений залез в это дерьмо. — Вадим смутился, буркнул, опустив голову: — Ладно, закругляемся, что есть, то есть. Пойдем получать по шапке от начальства — ты от своего, а я от своего. Вечером придешь? Помнишь, какой сегодня день?

— Приду, — кивнул Костров. — Дети — это святое. Надеюсь, что текущий рабочий день не растянется на сутки...

Интерес Восьмого главного управления к гражданину (ныне покойному) Шпаковскому был вполне объясним. Управление занималось защитой технических

средств связи, информации, созданием шифров, иногда — радиотехнической разведкой. Шпаковский трудился в ПО «Спецприбор» — ведущий специалист, доктор технических наук, предпочитающий заниматься прикладными вопросами, а не общим теоретизированием. Предприятие производило широкую линейку электронных и микроэлектронных устройств — там же они разрабатывались, апробировались, подвергались испытаниям. Именно эту аппаратуру использовало 8-е ГУ — устройства для шифровки и дешифровки данных, средства защиты каналов связи, помещений, строений. Шпаковского назначали главным инженером наиболее важных государственных проектов. Он прекрасно знал производство и как все устроено в сложном мире микроэлектроники. Арсений Иннокентьевич был лауреатом технических премий, автором ряда научных работ. Он был человеком, от которого в «Спецприборе» зависело все, — и при этом обладал невиданной скромностью. Он никогда не лез в телевизор, на газетные полосы, не избирался в депутаты и, страшно подумать, даже не являлся членом партии, что, в принципе, вызывало вопросы, но списывалось благодаря заслугам. На него бы никогда не подумали.

То, что информация о новейших разработках уходит «налево», подозревали давно. Исследовательские

ОХОТА НА ОХОТНИКА

организации за рубежом тщательно разбирали чертежи советских микросхем, оценивали перспективы новейших разработок. Кое-что вызывало снисходительную улыбку, другое заслуживало внимания. Эти вещи копировались и улучшались. Техническая разведка в советских посольствах присылала в Москву схемы и чертежи новых западных разработок, в которых с изумлением узнавался «советский след». Кропотливое расследование привело в ПО «Спецприбор». Сотрудник первого отдела Сурин вызвал подозрение. Закрытый, формалист, следующий инструкциям, но вместе с тем трусоватый, осторожный — он и привел людей Шаламова к Шпаковскому. Сразу не поверили, что он завербован, такой порядочный человек, просто глыба! В родне обиженных советской властью не было, за деньгами не гонялся. Сурин — мелкая сошка, обеспечивал безопасность Шпаковского, подстраховывал, подбирал материалы, которые требовалось перенять и отправить заокеанским «партнерам». Орудовать в одиночку Сурин бы в принципе не мог, не тот масштаб. Пару раз отслеживали его встречи с Хопсоном, снимали, как они что-то передают друг другу. Сурина не брали. А Шпаковский словно что-то чувствовал, лично с Хопсоном не контактировал, предпочитал действовать через Сурина. Возможности для встреч в рабочее время они имели неограниченные — как проследишь в этих коридорах? Сурин, имеющий непосредственное отношение к режиму секретности,

мог легко устроить лазейку — пронести аппаратуру, вынести пленки с отснятыми материалами. Что охраняешь, то и имеешь — точнее не скажешь... Иногда их видели вместе — при обстоятельствах, не связанных с рабочим процессом, что и активировало интерес к фигуре Шпаковского. Органы наблюдали, держались в стороне. То, что оба взяли в пятницу отгулы, слегка насторожило. То, что Сурин поджидал Шпаковского у дома последнего, а затем они вместе куда-то отправились, вообще произвело фурор. Да и не куда-то — сотрудник наружки явственно слышал, как Сурин произнес: «Это в книжном на улице Калинина, там он будет ждать...» Шестеренки завертелись, и когда пара шпионов на «убитом» «Москвиче» Сурина встала за квартал от магазина, к их встрече уже подготовились. Появление Хопсона не удивило — очевидно, сегодня он хотел встретиться с обоими. Провести планерку, так сказать...

Шпаковский проживал в Киевском районе столицы — в старом доме с видами на Москву-реку. Дети выросли и разлетелись из семейного гнезда в диаметрально противоположных направлениях: сын проживал в Комсомольске-на-Амуре, дочь — в Минске. Дальнейшая судьба этих людей, в связи с открывшимися обстоятельствами, находилась под вопросом. Похоже, папочка изрядно подгадил своим отпрыском. Эпоха репрессий давно прошла, теперь практиковали другие методы.